

На правах рукописи

Снарская Екатерина Валерьевна

**ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
ОТ МАСС К ИНДИВИДУ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Казань – 2014

Работа выполнена на кафедре социальной философии философского факультета ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
кафедры социальной философии
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
Терещенко Наталья Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии культуры
и духовной жизни ФГБОУ ВПО
«Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»
Козырьков Владимир Павлович

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и истории науки
ФГБОУ ВПО «Казанский национальный
исследовательский технологический
университет»
Галанова Гульнара Эдуардовна

Ведущая организация: **ЧОУ ВПО «Институт экономики,
управления и права (г. Казань)»**

Защита состоится 10 апреля 2014 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.16 при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Пушкина д. 1/55, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета. Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (<http://vak2.ed.gov.ru/>) и Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://kpfu.ru/>).

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Г. К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Актуальность темы исследования обусловлена двумя группами причин. Первая группа связана с характером современного общества, которое диагностируется чаще всего как массовое общество или общество потребления. Отметим, что последняя характеристика также связана с процессами омассовления. Учитывая, что теоретическая маркировка феномена часто накладывает на него серьезный отпечаток, например, усиливая черты массовизации, мы видим в социальной реальности тенденцию к нивелированию индивида. В то же время в обществе обнаруживается дефицит форм и пространств проявления индивидуальности, хотя очевидно, что преодоление массовизации общественных процессов требует выхода на авансцену истории сознательного индивида, способного взять на себя ответственность если не за общество, то за самого себя.

Вторая группа причин связана с состоянием самой социально-философской теории, в которой наблюдается некоторое несоответствие теоретического инструментария характеру феноменов, которые подвергаются анализу. Другими словами, нам нужно ответить на вопрос, можно ли исключительно теоретическими средствами модерна «схватить» постмодернистские (и даже постпостмодернистские) формы социальной реальности? Этот вопрос в несколько провокационной форме поставлен, например, Ж. Бодрийяром, который пишет о том, что масса не схватывается ни политическим, ни социологическим инструментарием. Но *масса* эпохи «пост-» отнюдь не тождественна *массам* эпохи модерна. Если *массы* были способны репрезентироваться, описываться социологически и политически, то *масса* – именно эволюционирующая масса эпохи постмодерна – этими категориями не схватывается. Ответ на поставленный вопрос, таким образом, требует скрупулезного и бережного анализа самой социальной теории (социальной философии в том числе).

Сегодня в рамках социально-философской теории наблюдается возросший интерес к проблеме повседневности. В этом плане становится важным не просто необходимость возвращения к опыту анализа повседневности, реализованному классической социальной теорией, но и переосмысление этого опыта в свете новых социальных и культурных реалий. Отметим, что в современной социальной философии повседневность представлена в двух версиях. Первый вариант – жизнь *man on the street*. Такой вариант сформировался в результате дискуссии о предмете социальной философии, прошедшей на страницах журнала «Личность. Культура. Общество» в первом десятилетии XXI века. В рамках этой дискуссии Е.А. Тюгашев высказал версию о том, что социальная философия сегодня призвана носить объяснительно-рекомендательный характер¹, что отождествляет функцию социальной философии с функцией, традиционно приписываемой повседневности (мы имеем в виду ее рецептурность). В этой версии, однако, происходит размывание самой предметности социальной философии.

¹ Тюгашев Е. А. Проблема предмета социальной философии [Электронный ресурс] / Е. А. Тюгашев. – Новосибирск, 2007. – URL: <http://filosof10.narod.ru/special.htm> (дата обращения: 28.01.2014).

Второй вариант – это версия, разрабатываемая, например, В.Е. Кемеровым. Он пишет о том, что повседневность есть важный контекст человеческого существования, не лишенный бытийственных и метафизических оснований, а потому его анализ должен стать реальным предметом социальной философии².

Связь повседневности и процессов омассовления, выявленная в результате взаимного наложения социальных теорий, оказывается достаточно очевидной. Однако мы обнаруживаем несколько специфических, не столь явных аспектов. Во-первых, негативные оценки обоих феноменов часто слишком тенденциозны. Во-вторых, выводы, сделанные в эпоху модерна теоретиками модерна, могут быть применены в ситуации post-мо и даже post-post-мо, поскольку оказываются ключом для понимания некоторых универсальных характеристик человека сегодня. А. Данто отмечал, что пересечение теорий дает возможность обнаружить феномены (или характеристики феноменов), которые отсутствуют в каждой из этих теорий, рассматриваемых в отдельности³.

Объектом исследования, таким образом, является модель человека, выстроенная на пересечении социальной теории масс и повседневности. **Предметом** исследования выступает процесс трансформации модернистской теоретической модели человека масс в ситуации постмодерна, его теоретические и практические основания.

Цель данной работы – выявить формы и способы существования индивида в ситуации, которая диагностируется как «пост-» и after-постмодерн путем пересмотра методологических оснований теории масс и теории повседневности в ракурсе современной ситуации.

Достижению поставленной цели способствует постановка и последовательное решение исследовательских **задач**:

1. обнаружение общих смысловых компонентов в модернистской теории масс, явившихся исходными для построения данной теории;
2. обоснование продуктивности и граничности феноменологического подхода, реализованного в рамках теории повседневности, позволяющего обнаружить индивида в таких укрупненных социальных формах, как массы и повседневность;
3. выявление характеристик масс, которые оказываются созвучными с характеристиками повседневности, описанными теоретиками модерна (традиционализм, примитивизация, низкий уровень интеллектуального развития, нерелефлексивность, рецептурность, манипулируемость, рутинизация сознания и автоматизация деятельности) и их трансформаций в эпоху постмодерна, что позволяет обнаружить их амбивалентность и расширение сферы их функционирования до уровня всеобщности;

² Кемеров В. Е. Связность обществознания и проблематизация повседневности / В. Е. Кемеров // Социемы: журнал по социальной философии и методологии обществознания. – 2003. – № 9. – С. 12–15.

³ Данто А. Аналитическая философия истории [Электронный ресурс] / А. Данто; под ред. Л. Б. Макеевой; пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 289 с. – URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/danto/danto_intro.htm (дата обращения: 28.01.2014).

4. установление путей преодоления негативных аспектов повседневности человеком массы;
5. обнаружение предельности процессов массовизации, позволяющее выявить точки роста индивидуального в массовом;
6. выявление сущностных характеристик индивида, возникновение которого становится возможным в ситуации эпохи постмодерна.

Теоретико-методологические основания исследования

В теоретической ситуации постмодерна методологические основания исследования выстраиваются в логике композиционности, которая предоставляет возможность движения от одной методологической установки к другой, каждый раз создавая новое целое. В.Е. Кемеров определяет данную методологическую установку как «движение по объекту». В этой композиционности каждая конкретная методологическая установка выполняет задачу воссоздания некоторого композиционного единства феномена в конкретном аспекте.

Одним из исследовательских оснований данной работы является феноменологическая традиция исследования повседневности, представленная работами таких теоретиков как А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман. Теории масс рассматриваются сквозь призму методологии феноменологической теории повседневности, что позволяет осуществить взаимное наложение теории повседневности и теоретической модели масс, хотя, безусловно, исследование масс не ограничивается феноменологической традицией. Так, например, экзистенциальные методологические установки и установки психоанализа также учтены нами при анализе теорий масс.

Для рассмотрения механизмов преобразования теоретических основ исследования масс и повседневности в современной ситуации оказывается важной традиция философствования в ситуации постмодерна, представленная в работах Ж.-Ф. Лиотара, М. Бланшо, З. Баумана, в которых осуществляется деконструкция структуралистских, феноменологических, экзистенциальных, психоаналитических и марксистских установок.

При написании данного исследования также применялась совокупность общенаучных теоретических методов исследования: сравнение, моделирование, метод исторического анализа, представленные в диалектическом единстве.

Отметим, что диалектика не противоречит ни одному из указанных нами методов и в определенном смысле «движение по объекту» тоже диалектично. В частности, уже А.Ф. Лосев пишет о сложившемся у него методе диалектической феноменологии⁴.

Степень разработанности проблемы. В данном исследовании произведен анализ двух крупных блоков социальных теорий: теории масс и теории повседневности.

Различные аспекты феномена массовизации были рассмотрены в социальной теории и социальной философии достаточно глубоко, что подтверждается многообразием теорий, представляющих этот феномен в качестве предмета

⁴ Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – Соч. в 9 томах. – Т. 1. – 958 с.

изучения. Следует отметить, что активное развитие этих теорий произошло со становлением эпохи модерна – с середины XIX века, когда активно начали разрабатываться вопросы, связанные с соотношением масс и личности (младогегельянцы, Т. Карлейль, Н.К. Михайловский). Западноевропейская традиция исследования феномена масс сформировала несколько основных значений, которые демонстрируют многоаспектность данного феномена.

Смысловое содержание понятия «массы» в социальной теории варьируется в зависимости от того аспекта действительности, который освещается в той или иной теоретической модели. Так, масса представляется как толпа в работах Г. Лебона, Э. Канетти, З. Фрейда; масса как публика (Г. Тард); масса как «гетерогенная аудитория, <...> противостоящая классам»⁵ в исследованиях Г. Блумера, Э. Ледерера, Х. Арендт, Э. Шилз, Д. Рисмена, Р. Милз; масса как результат снижения уровня современной цивилизации, выражающегося в ослаблении степени влияния со стороны правящих элит (Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс); массы как форма существования человека в условиях «механизированного общества» (Ф.Г. Юнгер, Л. Мамфорд); массы как «бюрократизированное общество» (Г. Зиммель, М. Вебер, К. Мангейм); массы как форма, неспособная воспринимать смыслы, описана в работах Ж. Бодрийяра. Теоретическое осмысление характеристик масс нашло свое отражение в теории элит Г. Моска и П. Сорокина. Негативные политические следствия массовизации человека и общества отмечают многие исследователи, в том числе, Х. Арендт и Э. Фромм.

В отечественной социальной теории проблема масс начала активно разрабатываться несколько позже – с 60-х годов XX века. В отличие от западноевропейской традиции изучения данного феномена, которая сфокусировалась, преимущественно, вокруг социально-культурных следствий развития современной цивилизации, отечественная традиция разрабатывала, в основном, проблемы, связанные с феноменами массового сознания и массовой культуры (Б.А. Грушин, К. Уледов, Г.Г. Дилигенский). Позже данная проблематика разрабатывалась Н.Г. Поповым, В.И. Лукиным, В.Г. Хоросом, Б.С. Ерасовым, находя свое отражение в связи массового сознания с политическими реалиями развитых капиталистических обществ. Способы взаимодействия и взаимовлияния массового сознания и идеологии исследовались в работах П.С. Гуревича, Е.И. Кукушкиной, В.П. Иерусалимского и др. Массовое сознание как феномен, связанный с политическими изменениями российской действительности в 90-х годах XX века, исследовался С.Г. Кара-Мурза, Д.В. Ольшанским, Л.Г. Судас и др.

Многие аспекты функционирования массового сознания рассмотрены в отечественных исследованиях первого десятилетия XXI века: соотношение массового сознания с массовой культурой исследовано Е.И. Лариным, Е.Д. Павловой, Д.В. Кузнецовым; проблема детерминации массового поведения поднимается в работе А.С. Новикова; социально-философский портрет человека-массы очерчивается в исследовании А.В. Погорельчик.

⁵ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б.А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – С. 8-9.

Что касается теоретического осмысления повседневности, то можно констатировать, что самостоятельным предметом исследования социальных наук повседневность становится одновременно со становлением теории масс – середина XIX века оказалась своего рода рубежом, преодоление которого обнаружило новое проблемное поле, связанное с формами существования человека. Следует отметить, что изучение повседневности изначально разворачивалось в русле исторического подхода, при котором описывалась бытовая сторона жизни (А. Терещенко, Н. Костомаров, И. Забелин, Э. Виолле-ле-Дюк, П. Гиро, Э. Фукс). Следующим этапом развития теоретических оснований повседневности явились разработанные в XX веке идеи ментальных структур повседневности (школа «Анналов»: Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа, Ладюри и др.).

В начале XX века из области собственно исторической проблематика повседневности начинает проникать в область социологии, где разрабатываются аспекты повседневности, связанные с пространственными структурами общественных отношений (Р. Парк); с формами социального действия (М. Вебер) и взаимодействия (Г. Зиммель), что привело к становлению теоретических оснований обыденной жизни, оформленных в концепцию этнометодологии (Г. Гарфинкель, А. Сикурель).

В это же время исследование повседневности становится предметом научного интереса в таких областях знания как культурология и философия. Однако заложенные модернистским подходом принципы построения строго иерархизированной теории зачастую препятствуют позитивному представлению повседневности, выступающей в качестве низшей / ненаучной формы функционирования человеческого опыта (например, Г. Зиммель). В философии теория повседневности разрабатывается в экзистенциалистском ключе (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.), феноменологическом (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман). Понятие «жизненного мира», которое зачастую отождествляется с понятием повседневности, рассматривается в теориях Э. Гуссерля, Ф. Броделя, Ф. Флюссера, В.Ф. Хауга и др. Повседневность как область коммуникативного действия представлена в концепции Ю. Хабермаса.

В отечественной социальной теории проблема повседневности разрабатывалась в тесной взаимосвязи с теоретическими основаниями западноевропейской мысли. Последователями А. Шюца являются И.А. Бутенко, Л.Г. Ионин, Е.Д. Руткевич, Л.Д. Гудков и др. Проблематика социального типа личности разрабатывается В.П. Козырьковым, В. Зомбартом и др. Повседневность как одна из «экологических ниш» существования человека рассматривается В.И. Курашовым в рамках прагматической антропологии. Методологические аспекты и необходимость исследования повседневности в социально-философском дискурсе обосновывает В.Е. Кемеров. Проблематика повседневности разрабатывается также Е.В. Золотухиной-Аболиной, Б.В. Марковым, Б.Я. Пукшанским, В.Г. Федотовой, Н.В. Мотрошиловой и др.

Проблема обыденного сознания как граничащего с массовым разрабатывается в исследованиях С.Т. Баранова, П.В. Челышева и др. Методологические

основания повседневности исследуются в работах Л.А. Савченко, И.П. Поляковой; онтологический статус повседневности анализируется в трудах Н.Б. Семёнова, И.В. Албаевой, Н.К. Балалаевой; эпистемологическая проблематика повседневности разрабатывается в исследовании С.Н. Боголюбовой и др.

Пересечение теорий масс и повседневности в зарубежной и отечественной философской мысли уже было реализовано, однако преимущественно в фокусе взаимодействия обыденного и массового сознания, что отчасти ограничивает анализ феномена масс гносеолого-эпистемологическим контекстом. Так, сопоставляя обыденное сознание и массовое сознание, некоторые исследователи отмечают сущностную близость этих феноменов (например, В.Н. Горелова), другие утверждают их нетождественность, в частности, по причине наличия в массовом сознании элементов специализированного сознания, например, научные понятия (А.Б. Грушин, А.К. Уледов и др.).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Выявлено, что повседневность есть форма не только продуцирующая и воспроизводящая массы, но и позволяющая обнаружить точки роста индивидуального, поскольку именно в повседневности (согласно А. Шюцу) реализуется *проектность* деятельности, осуществляется *работа* и *проблематизация* жизненных ситуаций, что может быть осуществлено только в деятельности индивида. В свою очередь, проектность, работа и проблематизация неизбежно включают в себя традиционализм, рецептурность, моменты нерелективности, рутинизации, упрощения и т.п. как необходимые изначальные условия деятельности.
2. Благодаря взаимному наложению модернистских теорий масс и повседневности установлено, что характеристики обоих исследуемых феноменов в рамках данных теорий могут «работать» преимущественно в условиях «твёрдой» современности, в то время как в «текучей» современности (З. Бауман) данные характеристики проявляют свою амбивалентность и неоднозначность. Во-первых, они обнаруживают способность проникновения в специализированные области человеческого опыта посредством реализации проективности, работы и проблематизации; а во-вторых, демонстрируют метафизический потенциал, что проявляется в безусловности нравственно-этических поступков и представлений, а также эстетических установок, что было недостаточно учтено в теориях модерна.
3. Осуществлена классификация конечных областей значения посредством их разделения на специализированные и неспециализированные. Конечная область значения – это определенный тип (или система типов) явлений индивидуального сознания, характеризующийся специфическим когнитивным стилем (согласно А. Шюцу). К неспециализированным конечным областям значения можно отнести те, существовать в которых может каждый без специальной подготовки (сновидения, фантазии, игра, нерелективное принятие внешней стороны ритуала) и которые представлены в пространстве повседневности. К специализированным можно отнести те, для включения в которые необходима особая подготовка, определенные личностные качества (все виды теоретизации,

специфические формы религиозного опыта, отношение к искусству, требующее особой подготовленности). Эта классификация позволила, с одной стороны, определить условность границ феномена масс (массы / масса есть теоретическая конструкция), а с другой стороны, утверждать, что повседневность служит базой для возможности выхода в специализированные конечные области значения.

4. Выявлена сущностная связь повседневности и специализированных конечных областей значения, которая проявляет себя, с одной стороны, в том, что повседневность является исходной точкой для выхода в любую специализированную область значения, а с другой стороны, данные области значения требуют постоянного возвращения и обращения к повседневности для производства и воспроизводства своих идей. Утверждение взаимозависимости повседневности и специализированных конечных областей значения, существовать в которых возможно лишь в индивидуализированной форме, позволило определить эту взаимозависимость как путь преодоления массовизации (благодаря проективности, работе, проблематизации).

5. Установлено, что позиция вненаходимости теоретика (ученого, философа, художника), которая является «снятием» гносеологической позиции субъекта познания (субъект не включен в структуру исследуемого объекта, находится за пределами, «вне» его структуры), свойственная теориям масс и повседневности модерна, привела к формированию преимущественно негативной оценки обоих феноменов (массы и повседневности).

6. Обнаружено, что отношение человека масс и представителя элит может быть рассмотрено сквозь призму понятия субстанциального индивида (К. Маркс), поскольку субстанциальный индивид определяется, в том числе, через осознание несоразмерности идеи индивидуализированного человека и способности преодоления этой несоразмерности (понятие «субстанциальный индивид» маркирует пространство пересечения массовидных и индивидуализированных определений человека). Поскольку понятие «субстанциальный индивид» предполагает взаимозависимость теоретика и массы, то оказывается, что именно массы являются необходимым условием формирования субстанциального индивида. Сама возможность его существования может быть обеспечена лишь посредством постоянного взаимодействия в контексте «элита-масса», поскольку субъект социогуманитарного познания уже частично включен в исследуемый объект. В реальной жизни процессы индивидуализации представлены, в частности, в ситуациях нравственного поведения и морального выбора, в которых обнаруживается как представитель масс, так и представитель элиты.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В рамках социальной теории и социальной философии выработано огромное многообразие подходов к исследованию феномена масс. Анализ общих смысловых компонентов этих теорий позволяет выявить три базовых значения термина «массы», которые нам представляются ключевыми для функционирования данного термина в пространстве социальной теории: массы как толпа, массы как непривилегированные социальные слои населения и массы как необ-

разованные слои населения. Определение массы как толпы предоставляет возможность обозначить ее как форму несоразмерности социальных феноменов индивиду. Принцип несоразмерности знания индивиду обнаруживает себя в полной мере в эпоху постмодерна, что требует выявления путей конституирования индивида в условиях современных социальных и культурных реалий. Понимание масс как непривилегированных / интеллектуально неразвитых слоев населения, несмотря на оценочный характер, позволяет определить теоретика, находящегося вне этой структуры – в ситуации венаходимости, то есть дистанцированно от объекта его исследования. А это значит, положение теоретика предоставляет возможность сделать эти подходы предметом многоступенчатого анализа, что позволяет рассмотреть динамику, изменение, трансформацию самого феномена масс и диагностировать в человеке массы проявление индивидуализированного субъекта, представителя элиты, самого теоретика.

2. Пересечение теоретических конструктов, разработанных модернистской теорией масс и теорией повседневности, позволило обнаружить общность характеристик, присущих этим феноменам (традиционализм, примитивизация, низкий уровень интеллектуального развития человека, нерелективность, рутинизация сознания и автоматизация деятельности). В результате констатируется однонаправленность логики исследования этих теорий. Выявлено, что с одной стороны, в точках пересечений этих теорий обнаруживается человек масс, существующий исключительно в пределах повседневности и неспециализированных конечных областях значения, что является основанием для выявления способов выхода человека масс за пределы повседневности, а значит, возможности разрыва массовизации. С другой стороны, выявлено, что в эпоху постмодерна эти характеристики не работают, проявляя себя как амбивалентные, поскольку обнаруживаются в специализированных формах человеческого опыта (в частности, в науке и искусстве).

3. Обнаруживается, что между повседневностью и специализированными конечными областями значения нет непроходимой границы – любой выход за рамки повседневности может быть осуществлен только путем постоянного возвращения в повседневность. Идеи, в том числе, продуцируемые в специализированных конечных областях значения, могут быть усвоены, переданы и воспроизведены лишь посредством повседневности.

4. В повседневности выявлены характеристики, проявляющие себя как антиномичные. С одной стороны, повседневность действительно оказывается формой, которая продуцирует гипертрофированные негативные свойства масс. С другой стороны, только посредством присущей повседневности массовизации оказывается возможным выход в специализированные конечные области значения, функционирование в которых возможно лишь в индивидуализированной форме. Преодоление негативных аспектов повседневности может быть осуществлено, во-первых, благодаря проективной деятельности и проблематизации, реализация которых возможна на индивидуальном уровне; а во-вторых, в рамках нравственного поведения и морального выбора, осуществляемого в повседневной жизни. Установлено, что в массах содержится росток индивиду-

лизации. Теоретики масс и теоретики повседневности делают акцент на возможности восприятия массами ценностей, которые производятся специализированными конечными областями значения. Нравственные же установки масс оказываются для теоретиков модерна за рамками рассмотрения.

5. Проблематизация, совершаемая человеком по отношению к установленным в обществе нравственным нормам, позволяет оценить возможности человека, поскольку выход за рамки «положенного» может способствовать выходу человека в специализированные конечные области значения, либо примитивизировать его до уровня животного существования. Установлено, что повседневность предстает как пространство возможности. Специализированные конечные области значения есть форма действительного, актуализация которого возможна лишь посредством прохождения сферы повседневности, в частности, благодаря процессу работы, который является атрибутивной характеристикой повседневности.

6. Выявление в массах точек разрыва массовизации оказалось востребованным в современной социально-философской теории, которая обратилась к исследованию повседневности и в то же время столкнулась с необходимостью переосмысления феномена масс. Положение вненаходимости, будучи конституирующим в модернистской теории масс, в условиях постмодерна демонстрирует свою неустойчивость, поскольку обнаруживается способность представителя элиты «проваливаться» в массы, что частично осознается самим теоретиком. Таким образом, массы, оказываясь способными вовлекать в себя представителя элиты – классического воплощения индивидуализма, – предстают как форма и необходимая база для возможного роста индивидуального в человеке.

7. Модель индивида, способного вырасти из массы, далека от модели классического автономного целостного индивида, идеал которого конституируется в теории эпохи модерна. Этот индивид родственен модели субстанциального индивида, о котором писал К. Маркс. Субстанциальный индивид, оформляясь посредством диалектического взаимодействия масс и элиты, способен усваивать идеи, несоразмерные природе автономизированного человека. Данная способность субстанциального индивида реализуется именно в ситуации постмодерна, которая характеризуется возрастанием роли несоразмерных человеку социальных структур, знания и т.д. Это позволяет утверждать, что индивид может и должен существовать в форме субстанциальности, в пределе конституируя общественное целое.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена новизной и актуальностью темы исследования. Работа обнаруживает ракурс рассмотрения феномена человека, который концептуальные модели теории масс и теории повседневности оставляют в тени исследования. Анализ масс и повседневности в рамках социальных и социально-философских теорий оставляет в стороне рассмотрение вопроса об индивиде, который предстает как «усредненный», «мозаичный», «одномерный» обыватель, обладающий, преимущественно, негативными характеристиками.

Выводы данного исследования могут быть включены в учебный курс социальной философии, например, в разделы «Социум и социальность», «Структура общества», «Философия человека».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в пяти статьях, три из которых опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней докторов и кандидатов наук. Отдельные результаты исследования были отражены в выступлениях на Международной научно-образовательной конференции «Гуманизм и современность» (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 8-9 ноября 2013 г.) и на Итоговой конференции Казанского федерального университета за 2013 год (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 27 января 2014 г.).

Структура работы. Диссертация имеет объем 179 страниц и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии. Основная часть включает в себя три главы, каждая из которых состоит из двух параграфов. Библиография насчитывает 181 пункт.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I **«Феномены массы и повседневности в социальной теории и философии»** посвящена определению понятийного ряда рассматриваемых феноменов масс и повседневности, а также обоснован методологический принцип данного исследования.

В первом параграфе **«Понятие массы в социальной теории модерна»** произведена дифференциация различных подходов к феномену масс.

Обращение к истории термина «массы», а также к истории изучения феноменов, которые этим термином могут быть обозначены, позволяет выявить три значения, ключевых для функционирования данного термина в пространстве социальной теории: массы как толпа; массы как непривилегированные социальные слои и массы как интеллектуально неразвитые слои населения. Многие исследователи довольно часто не проводят между ними четких разграничений. Причины этой тенденции кроются, среди прочего, в том, что массы как малоимущие, эксплуатируемые, непривилегированные слои, которые, как правило, оказываются еще и наименее образованными, составляют большинство в любом обществе. И хотя этот критерий относителен, но, варьируясь в разных обществах и культурах, сохраняет свою главную особенность – противопоставленность масс различным типам элит (политическим, экономическим, интеллектуальным и т.д.). Это отчетливо видно в теориях Г. Лебона, К. Ясперса, Т. Адорно и М. Хоркхаймера, а также в активно разрабатываемой на рубеже XIX-XX веков теории элит (В. Парето, Г. Моска).

Значение «масса как толпа» выделяется из всех прочих значений тем, что в основу образования соответствующего понятия положен абстрактный количественный признак: телесное соприсутствие большого количества людей в одном месте. Связь данного значения с любым другим из тех, что упоминались

выше, на наш взгляд, достаточно органична. Количество – это свойство, безразличное к качеству⁶, а значит, качество может быть совершенно любым. Толпы, стремясь к количественному росту, могут впитывать в себя любые качественные особенности входящих в них единиц. При этом качество, содержащееся в элементах, на уровне функционирования толпы не имеет принципиального значения. Этот факт, в числе прочего, явился причиной того, что некоторые теоретические выводы, касающиеся рассмотрения массы как толпы, зачастую могут касаться только масс как непривилегированных слоев общества (Г. Лебон, С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассет). Однако масса как толпа вследствие целого ряда психологических изменений, возникновение которых оказывается независимым от социальной, классовой и иной принадлежности человека, принципиально отличается от массы как тех или иных слоев общества.

Толпа – это очень важная характеристика, учет которой определяет социальную группу не только с точки зрения количественного роста, но и, что гораздо более важно, с точки зрения нового качества, возникающего вследствие соединения людей в толпу. Количественные характеристики общества становятся предметом научного интереса уже в теориях английской политэкономии. Политэкономия Маркса, вычленив некое качество однородного среднего труда, дает нам возможность предположить, что увеличение количества людей, занятых в производстве, приводит к совершенно иному качеству – усреднению форм, способностей, оценок и прочее. То, что многие теоретики масс оценивают как негативные качества, присущие массам, вполне вероятно, являются результатом этого количественного роста, поскольку далеко не все формы в процессе его разрастания могут быть соразмерными индивидуальным качествам человека. Толпа является именно той формой, в которой общественная группа оказывается несоразмерной индивиду.

Значения «массы как непривилегированные социальные слои» и «массы как необразованные / интеллектуально неразвитые слои» претерпевают в теории масс значительно более существенные изменения. В целом ряде концепций XX века эти значения либо дополняются важными смысловыми элементами, либо вообще трансформируются настолько, что под «массами» начинает пониматься нечто другое, и указанные первоначальные значения становятся принадлежностью истории понятия. Яркими примерами новых смысловых компонентов феномена масс, возникших в социальной теории, являются, в частности, психологическая характеристика человека, напрямую не связанная с отношением к какому-либо социальному слою, предложенная Х. Ортегой-и-Гассетом; одномерность как форма существования человека у Г. Маркузе; автоматизированный человек, описанный Э. Юнгером и прочее.

Приведенные нами примеры теорий масс демонстрируют, что мыслители конца XIX – XX веков продолжали традицию соотнесения масс с непривилегированными и необразованными слоями населения, вместе с тем вкладывая в термины «массы», «массовый человек», «массовое общество» новые смысловые компоненты, отражающие трансформации духовного мира человека в

⁶ Гегель Г. В. Ф. Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – Т. 1. – С. 170.

определенных исторических реалиях. Вместе с тем, как нам представляется, для подавляющего большинства теоретиков масс слово «массы» сохраняло связь хотя бы с одним (либо более чем с одним) из названных выше трёх исходных значений: «массы как толпа», «массы как непривилегированные социальные слои», «массы как необразованные / интеллектуально неразвитые слои». В большинстве случаев (концепции Лебона, Тарда, Фрейда, Юнгера, Арендт, Маркузе, Манхейма, Ясперса, Канетти, Московичи, Бодрийяра) указанные значения оставались базой понятия, приобретающего вдобавок какие-то новые смысловые компоненты; в некоторых случаях, как в концепции Х. Ортеги-и-Гассета, несмотря на смену отправной точки образования понятия, связь с вышеназванными значениями сохраняется и легко прослеживается.

Очевидно, что понимание масс как непривилегированных и интеллектуально неразвитых слоев населения носит ярко выраженный оценочный характер. Интересен сам факт существования этой оценочной формы. Он дает нам возможность увидеть теоретика как человека, находящегося вне этой структуры – в ситуации вненаходимости, то есть дистанцированно от объекта его исследования. А это значит, что отношение теоретика позволяет нам сделать эти подходы предметом многоступенчатого анализа. Мы не просто можем описывать массы как объективно существующий феномен, но мы можем увидеть в этих теориях человека не-массы, элиты, индивидуализированного субъекта.

Второй параграф **«Концепция повседневности в традиции социальной феноменологии и за ее пределами»** посвящен определению продуктивности методологических оснований повседневности, заложенных в русле феноменологической традиции, а также постмодернистского метода деконструкции, позволяющего выйти на проблему форм и способов существования индивида.

В ходе изучения становления теории повседневности мы приходим к тому, что феноменологическая традиция исследования повседневности, сложившаяся в социальной теории модерна и рефлектирующая эту эпоху, оказывается необходимой и наиболее плодотворной базой для дальнейшего изучения разрабатываемой нами проблематики.

Феноменологическая концепция повседневности делает акцент на субъективной позиции отдельно взятого индивида, воспринимающего мир вокруг себя и взаимодействующего с ним. Разграничение повседневного и неповседневного производится здесь не по типу объектов, с которыми взаимодействует субъект, а по типу деятельностно-познавательной установки субъекта.

Наиболее детально и разносторонне концепция повседневности разработана А. Шюцем, работы которого и составили методологическую основу данного исследования. Повседневность понимается им как одна из конечных областей значения. Каждая конечная область значения – это определенный тип (или система типов) явлений индивидуального сознания. Повседневность в этом ряду выделяется ориентированностью на восприятие всех объектов опыта с позиций индивидуальной биографической ситуации, точкой отсчета для которой является индивидуальное тело с его «здесь и сейчас», взаимодействующее с материальными предметами вокруг него. Повседневность в феноменологическом

подходе – это не некая совокупность объектов внешнего мира, а пласт опыта. Одни и те же предметы, события и ситуации могут осмысливаться человеком в различных конечных областях значения, имеющих различные когнитивные стили. Получается, что сами когнитивные стили, специфичные для каждой конечной области значения, задают разные границы и содержание опыта, который попадает в поле зрения этих областей.

Теория повседневности, возникшая в пространстве социологии, мыслит в логике, в терминологии, пространстве модерна. А. Шюц, исследуя повседневность в русле феноменологической традиции, ищет ответ на вопрос: как в повседневности возможно существование индивида (по большому счету – картезианского субъекта). Получается, что повседневность есть пространство собирания автономного индивида. Такие «островки» пространства собирания автономного индивида бывают всегда в культурах массового механизма трансляции. В эпоху средневековья, например, пространство собирания индивида локализовалось в пространстве исповеди, в котором человек «выговаривал» себя, так или иначе, собирая свой опыт. Сейчас этим пространством «выговаривания» себя и выстраивания своего опыта является повседневность. И хотя повседневность – это явление Нового времени, но мы можем найти в других культурах некоторые формы локализации, где протекали аналогичные процессы.

Сегодня, по свидетельству В.Е. Кемерова, у повседневности обнаруживаются другие, совсем не негативные коннотации⁷, то есть повседневность уже не может рассматриваться так однозначно, как это делает классическая теория, описывая повседневность как форму примитивных общедоступных смыслов.

Следовательно, применяя феноменологическую методологию и затем метод ее (методологии) деконструкции, активно используемый в философии постмодерна, к феномену масс, мы можем выйти на проблему анализа условий рождения в пространстве масс индивида, поскольку все негативные характеристики массового человека (человека повседневности), предстают перед нами как следствие определенной интеллектуальной оценки и установки.

Глава II **«Конечные области значения как содержательный контекст существования масс»** посвящена исследованию вопроса о соотношении масс и конечных областей значения.

В первом параграфе **«Массы в горизонте повседневности как конечной области значения»** выявляются характеристики масс, которые оказываются созвучными с характеристиками повседневности, описанными теоретиками модерна, а также прослеживается их связь с ситуацией постмодерна.

Теории масс и теории повседневности в их классической форме обнаруживают множество аспектов, позволяющих нам выявить сходство в рассматриваемых феноменах (традиционализм, примитивизация, низкий уровень интеллектуального развития, рецептурность, манипулируемость, рутинизация сознания и автоматизация деятельности).

⁷ Кемеров В. Е. Связность общественности и проблематизация повседневности / В. Е. Кемеров // Социемы: журнал по социальной философии и методологии общественности. – 2003. – № 9. – С. 12–15.

Проведенный анализ характеристик масс и повседневности позволяет выявить закономерность: массы противопоставляются тем группам людей, которые отличаются от них, в первую очередь, интеллектуальным уровнем развития. Такими группами выступают, как правило, интеллектуальные элиты. Повседневность, в свою очередь, противопоставляется другим конечным областям значения, отличающимся от нее способом мышления и глубиной познания явлений и процессов. Для нас оказывается особенно важным то, что теория видит противопоставление масс интеллектуальным элитам, поскольку сам теоретик рефлектирует логику элит, и массы не попадают в его пространство существования.

Учитывая выделенную нами классификацию конечных областей значения, мы обнаруживаем, что массы, согласно описываемой теории, в силу низкой интеллектуальной развитости, способны существовать лишь в повседневности или тех конечных областях значения, которые мы определили как неспециализированные (повседневность, сновидения, фантазия, игра, нерефлексивное принятие внешней стороны ритуала) в силу отсутствия необходимости для попадания в них какой-либо специальной подготовки. Поскольку логика выстраивания пространства масс эпохи модерна наиболее ярко проявляет себя при анализе повседневности, то формы взаимодействия масс и неспециализированных конечных областей значения мы будем исследовать посредством сопоставления масс и повседневности. Интеллектуальные элиты – это такая группа людей, которая в силу своей высокой интеллектуальной развитости и способности критически оценивать окружающий мир, способны выходить за рамки повседневности в специализированные конечные области значения.

Описанные нами характеристики масс и повседневности работают лишь в условиях твердой современности (которую описывает классическая теория модерна). Сегодня же, в условиях текучей современности (эпоха постмодерн), многие из описанных характеристик проявляют себя как амбивалентные. Традиционность, например, является сегодня уже не негативной характеристикой повседневности, а позитивной, так как создает островок стабильности особенно важный в ситуации, когда все течет, все разламывается, ничто не обладает сколь-нибудь устойчивой ценностью. Примитивизация оказывается присущей всем областям знания, включая те, которые традиционно считались далекими от нее (например, наука и искусство). Нерефлексивность – отнюдь не негативная характеристика, присущая только массам, а напротив – вполне естественная и вписанная в структуру общественного сознания, а значит, и во все его виды, в том числе сознание теоретическое.

В точках пересечений этих теорий мы обнаруживаем человека масс, существующего исключительно в пределах повседневности и неспециализированных конечных областях значения, что будет служить основанием для рассмотрения вопроса о способах выхода человека масс за пределы повседневности, а значит, возможности разрыва массовизации.

Второй параграф **«Отношение масс к специализированным конечным областям значения»** посвящен установлению путей преодоления негативных аспектов повседневности человеком массы.

Обществу классического (индустриального) типа, являющегося предметом исследования теории повседневности и теории масс, свойственно стремление к жесткой вертикализации. Представление о вертикали распространяется на все фундаментальные явления и принципы, рассматриваемые данными теориями, в том числе и на конечные области значения, общечеловеческие и трансцендентальные ценности. Общей матрицей выстраивания аксиологических установок становится матрица одной из специализированных конечных областей значения, которая в иерархии занимает более высокую ступень.

Однако исследователи, размышляющие в русле феноменологической традиции, обнаруживают очень важный момент: любой человек, даже будучи способным выходить в сферу специализированных конечных областей значения, непременно возвращается в повседневность. Следовательно, прожить жизнь в этих конечных областях значения, а значит руководствоваться исключительно ценностями, продуцируемыми этими областями, невозможно.

Описанные нами особенности специализированных конечных областей значения могут служить яркими примерами специфических элементов, отсутствующих в повседневности. Принимая во внимание, что массы существуют лишь в повседневности (или неспециализированных конечных областях значения), мы можем констатировать, что данные элементы также не доступны массам, поскольку постижение их возможно только при условии способности выхода в специализированные области значения. Но при этом постоянно обходится вопрос о том, что массы (масса) могут дифференцироваться, распадаться, или консолидироваться. А значит, возникает возможность выхода за пределы (или хотя бы на границу) массы, а потом, следующий шаг – и в конечные области значения. Толкование масс абсолютно лишено динамики. С точки зрения социологии это правильно, так как социолог решает конкретную задачу, возникающую в настоящий момент времени.

С точки зрения теоретиков модерна неспособность воспринимать ценности специализированных конечных областей значения отчетливо просматривается именно при анализе соотношения масс, существующих по законам повседневности, и других конечных областей значения. А процесс усугубления этой неспособности мы можем наблюдать сегодня, анализируя ситуацию пост- и постмодерна. Если пользоваться понятием «конечные области значения», выделенного А. Шюцем, то современная ситуация, описываемая Ж.-Ф. Лиотаром в рамках критики больших нарративов, позволяет нам понять, что одни конечные области значения в тех или иных ситуациях навязывают ценностные установки другим областям значения. Тогда оказывается вполне понятным, почему, скажем, столь тотальна религиозная культура Средневековья, эстетизированы все сферы жизни в эпоху Возрождения, гносеологизирована эпоха Нового времени вплоть до середины XX века. В определенные исторические периоды та или иная область человеческого опыта навязывает целевые и ценностные уста-

новки всем другим конечным областям значения, которые, в свою очередь, «переписываются» под доминирующие ценностные установки. Сегодня становится очевидным, что без обращения к повседневности и ценностям, продуцируемым в ней, теории, основанные исключительно на анализе высших ценностей, онтологических оснований человеческого бытия, превращаются лишь в теоретическую спекуляцию. Ситуация, сложившаяся в эпоху постмодерна, обнаруживает невозможность исследования высших метафизических оснований, не прибегая при этом к анализу оснований повседневной жизни человека.

Преодоление повседневности как формы, продуцирующей и воспроизводящей массовые характеристики, возможно лишь на уровне индивида в пространстве повседневности, так как сам выход, напряжение, есть действие, действие, работа. Массы же, элиминируя все субъектное, казалось бы, оказываются неспособными к преодолению повседневности. Но при более глубоком анализе выясняется, что повседневность проявляет свои антиномичные свойства: с одной стороны, она действительно является формой существования масс, а с другой стороны, только посредством преодоления свойственной ей массовизации оказывается возможным выход в специализированные конечные области значения, существование в которых возможно лишь индивидуализировано.

Кроме того, сегодня мы можем наблюдать качественное изменение характера и характеристик самих феноменов масс и повседневности. С одной стороны, можно констатировать возникновение феномена «интеллектуальной массы» или «массового интеллектуализма». Речь идет о том, что в какой-то степени, смыслы конечных областей значения попадают в сознание масс. Сегодня массы оперируют многими понятиями, которые не свойственны были им ранее. Другое дело, что это интеллектуализм со сниженным пафосом, где ценности специализированных конечных областей значения существуют в превращенной форме посредством выхолащивания смыслов, изначально присущих ценностям науки, искусства и т.д.

С другой стороны, происходит стремительная смена характера повседневности. Если раньше повседневность представляла собой нечто локальное и ограниченное субъективным опытом, то сегодня даже личный опыт принимает глобальный характер, неустанно умножая повседневности: есть повседневность быта, есть повседневность работы, повседневность заключения международных договоров, повседневность общения в социальных сетях и т.д. Сама повседневность, таким образом, становится другой, и мы обнаруживаем разные ее пласты. Более того – она одновременно расширяется пространственно и атомизируется во времени, поскольку меняются отрезки повседневности – из повседневности она превращается в повсечасность. Повседневность, традиционно характеризующаяся размеренностью, приобретает черты динамичности. В постоянной смене срезов повседневности вновь появляется возможность ее разрывов. И в этих разрывах вновь включается работа, проблематизация и рефлексия. Глобализация пространства сосуществует в повседневности с атомизацией времени.

Глава III «Трансформирующаяся повседневность как предпосылка индивидуализации человека масс» посвящена выявлению в массах эпохи модерна возможностей метафизического роста индивида, что позволяет определить теоретическую модель индивида, существование которого возможно в ситуации постмодерна.

В первом параграфе «**Нравственность в повседневности: на пути индивидуализации человека масс**» обнаруживаются разрывы массовизации, которые позволяют производить анализ метафизического роста индивида, вырастающего из масс.

В анализе человека массы в рамках теории масс и повседневности мы сталкиваемся с обвинением масс в нежелании служить высоким идеалам. Как было показано, эта критика, во многом оправданная, обусловлена тем, что массы не воспринимают ценности науки, искусства, религии, когда деятельность в этих областях предельно рационализируется, уходя в специализированные конечные области значения. При этом, как мы обнаружили, в поиске «чистых» форм утрачивается собственно целостная человеческая составляющая этих видов деятельности. Вместе с тем анализ, проведенный в настоящем параграфе, показывает, что ошибочно характеризовать массы как людей, руководствующихся исключительно потребительскими установками и эгоизмом. Следует учесть, что каждый человек, как правило, сочетает в себе позитивные и негативные черты нравственного облика. Таким образом, отсутствие служения ценностям, производным от специализированных конечных областей значения, еще не означает безнравственности человека. Напротив, повседневность представляет собой сферу функционирования нравственных ценностей, более того, нравственность атрибутивна повседневности. Отношения людей в повседневной жизни являются основным материалом, регламентируемым нравственными принципами как древних, так и современных культур. Следовательно, однозначно негативный нравственный портрет масс является необоснованным, даже если полностью согласиться с невосприимчивостью масс к так называемым «высоким» ценностям.

Здесь мы подходим к обнаружению непроанализированного аспекта в теории масс. Причина его появления заключается в том, что негативная оценка ценностных установок масс, не позволила увидеть реальные основания нравственного поведения и необходимости морального выбора, осуществляемого в повседневной жизни. Будучи представителями интеллектуальных элит, теоретики масс чутки к тому обстоятельству, что массы равнодушны к ценностям, столь важным для самих теоретиков, например, к ценностям, проистекающим из конечных областей значения, связанных с философией, наукой, политической теорией, элитарным искусством и т. п. Однако моральность поведения человека массы в его повседневной жизни оказывается при этом для многих авторов за рамками рассмотрения.

Нравственность как единство нравственного поведения и морального выбора возможна именно в повседневности. Она неизбежно приводит человека к необходимости выхода в практическую сферу – без практики, без реального

взаимодействия между людьми существование нравственности невозможно. Но человек, находящийся в пространстве нравственности, одновременно будет существовать и на уровне морали, долженствования, и выходя на уровень должного, он обязательно проблематизирует ситуации повседневной жизни. Нарушение нравственных норм и правил, происходящее в определенный момент у каждого, выводит человека за рамки опривыченного нравственного поведения в область проблематизации. Безусловно, существует некоторая формальная сторона нравственности – этикет, которая в действительности прямого отношения к морали не имеет. Можно обладать огромным массивом специализированного знания, быть искушенным в тонкостях этикета, но не являться при этом нравственным, поскольку сфера проблематизации нравственных феноменов сосредоточена не на уровне теоретизации, а на уровне практического поведения.

Отказ человека действовать в рамках «положенного» позволяет ему выйти из некоторой формы массовидности. Ситуации разрыва повседневности, разрыва массовидности позволяют оценить возможности человека, поскольку выход за эти рамки может привести человека либо в специализированные конечные области значения, либо примитивизировать его до уровня животного существования.

Кроме того, повседневность в таком ракурсе рассмотрения предстает как возможность, как некое пространство возможности метафизического роста. В этом плане конечные области значения – это, скорее, из области действительного. Причем действительными значения этих областей становятся тоже после того, как будут адаптированы в сфере повседневности (в частности, посредством работы).

Во втором параграфе **«От масс к индивиду: переосмысление теоретических оснований феномена масс в ситуации эпохи постмодерна»** решается вопрос о выявлении сущностных характеристик индивида, возникновение которого становится возможным в ситуации постмодерна.

Нравственность как форма практического поведения, реализующаяся лишь при осуществлении индивидом морального выбора, позволяет определить потенциальные точки разрыва массовизации, а, значит, возможности индивидуализации. Эти точки не попали в фокус исследования социальной теории эпохи модерна. Но именно их исследование позволяет проанализировать саму возможность вырастания индивида из масс (массы). Этот ход и оказался востребованным в современной социально-философской теории, обратившейся к феномену повседневности и, естественно, столкнувшейся с необходимостью переосмысления феномена масс.

Анализ постмодернистской теории на примере творчества М. Бланшо позволяет выявить важную закономерность: представитель элиты обнаруживает в определенных ситуациях способность вовлекаться, проваливаться в массы, тем самым разрушая классическую установку вневходимости. Следовательно, мы можем наблюдать бесконечно расширяющийся горизонт масс, которые оказываются способными вмещать в себя людей независимо от их социального ста-

туса, культурной развитости и любых других различий, имеющих значение как на уровне индивидуальном, так и на уровне общественном.

Массы же, будучи способными включать в себя человека элиты – классического воплощения индивидуализма, – предстают перед нами формой и необходимой базой для возможного роста индивидуального.

Возникает ряд вопросов. Как масса, в сущности, являясь неструктурированным феноменом, лишенным индивидуальности, может быть пространством для выработки индивида? Тот ли это индивид, которого воспевала классическая философская мысль на протяжении многих веков или, возможно, понимание индивида и идеал индивида меняется с наступлением новой эпохи – эпохи постмодерна?

Представляется, что исходной точкой для ответа на поставленные вопросы должна служить уже обозначенная нами содержательная база понятия феномена масс в ее классическом варианте, в основании которой лежит отношение членов любой социальной группы к феномену производства. Теория постмодерна обнаруживает процесс трансформации базисных принципов построения этих теорий (исключая отношение к производству), что влечет за собой принципиально новые выводы и результаты.

Таким образом, исключая все формы редукции сообщества к конкретно-осязаемым условиям, мы получаем сообщество, превращенное в некий идеальный образец – оно желаемо, но невозможно. И этот идеальный образец отныне становится предметом работы и производства. Именно с ним, а не с формами производственных вещных отношений человек соотносит себя как с предметом, то есть предмет перестраивается из вещности в идеальную форму.

Мы можем говорить о том, что Бланшо, выстраивая альтернативную концепцию сообщества непроектируемого, пытается понять непредметность предмета. В самом деле, предмет вполне может быть не только материальным, но и идеальным. Описанное Бланшо сообщество само оказывается предметом работы, что позволяет нам понять, как масса может стать формой, продуцирующей индивида.

Получается, что свойства масс оказываются естественным свойством любого человека. Поясним: классическое общество, будучи четко структурированным, достаточно четко демаркировано. В этой демаркации каждая социальная общность становится социальным эквивалентом, социальным носителем тех или иных фиксированных характеристик. В массах же мы обнаруживаем отсутствие четкой структурированности. Безусловно, отсутствие строгой структуры влечет за собой немало разноплановых последствий. Нам представляется, что массы сегодня можно представить как отражение одной из сторон развития общества эпохи модерна, а именно – логики универсализации, логики всеобщности. С одной стороны, массы обнаруживают своего рода «провал всеобщности», а с другой стороны, логика всеобщности трансформируется в логику массовизации. При этом логика всеобщности как универсализации есть и логика становления индивидуальности. В массе (массах) наличествует росток

индивидуализации – именно из массы (а не из элиты) может вырасти социальный индивид.

Массы и повседневность, описываемые теоретиками модерна, вполне закономерно предстают перед нами как формы, сосредотачивающие в себе негативные характеристики: невозможность творчества, рефлексии, проектирования и прочее. Все эти характеристики проявляются благодаря рефлексии этих феноменов, но при этом рефлексии позиции самого теоретика – «рефлексии рефлектирующего» – не происходит. Фактически, философия постмодерна осуществляет рефлексии рефлектирующего и приходит к выводу о том, что позиция теоретика оказывается индивидуальным дискурсом, который питает иллюзию о том, что он и только он (теоретик!) является воплощением всеобщности. Однако, осуществляя рефлексии позиции теоретика, мы обнаруживаем уже указанную выше непротивоположность элиты и массы, что позволяет говорить о том, что представитель элиты вырастает из массового общества и в этом плане неизбежно несет на себе печать масс.

Сейчас мы находимся в исторической ситуации, когда механизмы мягкого принуждения отсутствуют, а значит, ничто не гарантировано. Даже такие жизненно важные для человека социальные гарантии как трудоустройство или семья перестают быть оплотом стабильности. В этой ситуации только индивид в его личностном, индивидуальном проявлении способен «склеить» распавшиеся социальные ячейки. Однако возможным это становится только лишь в случае осуществления личного усилия, а отнюдь не посредством действия традиций или государственной поддержки.

Как видно из изложенного, это уже не тот классический индивид, являющийся идеалом эпохи модерна. Самость и субъектность его проявляются уже не в отстраненности от общества, не в той принципиальной иерархизированности, которую мы встречаем, например, в титанизме как идеале эпохи Возрождения. Этот индивид родственен, удивительно похож на субстанциального индивида, о котором писал К. Маркс. Анализ данного понятия приводит нас к выводу о том, что субстанциальный индивид – это ученый, философ, теоретик (иными словами – представитель элиты) в его непосредственной включенности в общество, а значит, с одной стороны, он принадлежит некоему научному обществу, а с другой – взаимоотношается, взаимоотнопределяется, получает само-сознание, и, соответственно, взаимо-усиливается и взаимо-развивается только и именно в отношении к народу (в нашем случае позволим себе сказать – к массам / массе). Именно отношение «представитель элиты – массы / масса» в его (отношении) целостности, композиционности делает возможным появление того самого индивида, способного быть и выстоять в условиях «текучей современности», так как позволяет «снять» односторонность каждой из теоретических моделей. У Маркса это отношение представлено в отношении «мудрец (ученый Демокрит и философ Эпикур) – народ».

Кроме того, возможность реализации идеи, несоразмерной человеку, в ситуации, которая диагностируется эпохой постмодерна как ситуация несораз-

мерного человеку знания, позволяет нам утверждать, что индивид эпохи «пост-» может и должен существовать в форме субстанциальности.

Поскольку субстанциальный индивид предполагает взаимозависимость теоретика и массы, то оказывается, что именно массы являются формой, продуцирующей субстанциального индивида. Сама возможность его существования может быть обеспечена лишь посредством постоянного взаимодействия в контексте «элита-масса».

Итак, реальный индивид, о котором хочет писать теоретик эпохи постмодерна – это своеобразная индивидуализация субстанциального индивида. Этот индивид ничем и никем не гарантирован (ни социальной структурой, ни образованием, ни государством), но он существует. Отметим: никем и ничем, кроме себя самого. В этом и заключается сложность социальной теории и социальной практики. Возникает вопрос: что нужно сделать, чтобы субстанциальный индивид в его индивидуализированной форме случался чаще? Ответ находится лишь один – только воспроизводить его в собственной личной деятельности. Ведь посредством личного примера, подкрепленного желанием и стремлением сподвигнуть Другого на аналогичные поступки, проявление (и появление) в массе субстанциального индивида становится не только возможным, но и необходимым.

В **заключении** диссертационного исследования подводятся итоги и намечаются возможные перспективы разработки данной проблематики.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Снарская Е.В. Нравственное в безнравственном: поиски духовных ценностей в повседневности / Е.В. Снарская // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 47-49. – 0,4 п.л.
2. Снарская Е.В. Нерефлексивный характер массового сознания как характеристика повседневности / Е.В. Снарская // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 10. – С. 35-37. – 0,3 п.л.
3. Снарская Е.В. Традиционализм как форма существования человека в повседневности / Е.В. Снарская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11 (37). – Часть 1. – С. 162-164. – 0,4 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

4. Снарская Е.В. Возвышенное и массы: невозможность точки соприкосновения / Е.В. Снарская // Проблемы культурной идентичности в глобализирующемся обществе: сборник научных статей / отв. ред. Г.Н. Степаненко. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 63-66. – 0,3 п.л.
5. Снарская Е.В. Соотношение нравственности с повседневностью и философской теорией / Е.В. Снарская // Гуманизм и современность: материалы Международной научно-образовательной конференции (8-9 ноября 2013 г.) / под ред. Т.М. Шатуновой. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – С. 67-73. – 0,4 п.л.